

Б.ЗАЙЦЕВ И И.ШМЕЛЕВ О ВАЛААМЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Для лингвистического анализа были выбраны два отрывка из произведений Б.Зайцева и И.Шмелева. Оба писателя в первой половине XX века побывали на острове Валаам и позднее написали очерки о своем посещении острова и монастыря, находящегося на нем. Выбранные отрывки описывают одно и то же место на острове — Коневский скит. Целью работы является сравнение двух фрагментов произведений разных писателей, выявление сходства и отличия отрывков произведений на одну тему.

И Б.Зайцев, и И.Шмелев активно используют принцип повтора. На фонетическом уровне писатели используют один и тот же прием аллитерации, а возможно, даже звукописи, со звуком *л*. В обоих текстах этот звук используется для создания спокойного пейзажа, обстановки, в которой отсутствует суэта. Слышится лишь мерность волны Ладожского озера у Б.Зайцева, чувствуется неторопливость монастырской лошадки, на которой едет в Коневский скит И.Шмелев.

Абсолютные лексические повторы концентрируют внимание читателя на отдельных важных деталях. Тематические поля задают нам рамки восприятия описываемого. Монастырь, валаамская природа и братия обители — все это присутствует в обоих текстах.

В текстах в большом количестве использованы слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Это придает речи нежность и трепет, которые сопровождают писателей во время пребывания в монастыре, настраивает читателя на спокойный, умильный, доброжелательный лад, который царит в монашеской обители.

Номинаций в обоих отрывках не очень много, в основном они являются именами собственными. Имена нарицательные чаще всего отражают социальное положение и род занятий персонажей.

Таким образом, можно говорить об очевидных сходствах двух исследуемых текстов, порожденных, вероятно, общностью описываемого объекта. При этом, однако, нельзя отрицать и наличие различий между произведениями.

Б.Зайцев использует художественные средства (эллипсисы, риторические восклицания и риторические вопросы), которые, на наш взгляд, несколько отдаляют автора от читателя. Однако, описывая видимый им пейзаж, писатель указывает более конкретные обстоятельства места, употребляет более точные средства изображения картин природы. Таким образом, при сохранении дистанции между автором и читателем последний получает почти фотографически точную картину происходящего.

И.Шмелев, напротив, использует средства, позволяющие сблизить автора с читателем (элементы мыслей в форме прямой речи, не выделенные графически: «*Что это там краснеет? А, рябина...*», «*Ну вот, приехали...*», «*Да где же скитники?*»). Создается впечатление, что мы являемся непосредственными участниками событий. Однако, описывая дорогу к скиту, И.Шмелев не употребляет конкретных обстоятельств, как Б. Зайцев, а говорит «*вот*», «*здесь*», «*вон*». Создается впечатление, что читатель сам видит ту же картину, что и автор, и нуждается лишь в конкретизации внимания, а не в полном пересказе увиденного. Это вновь приводит к мысли, что авторы «допускают читателя» на различное «расстояние». И.Шмелев связывает видимое пространство с невидимым; духовный смысл реализуется через внешние проявления. Собеседники (автор и о. Сысой) заменяют конкретные понятия отвлеченными указательными наречиями, так как тема разговора лежит за пределами человеческого познания: это небольшой диалог о жизни после смерти.

Подведем итоги. Наряду с потрясающим сходством переживаний мы находим целый ряд различий и особенностей, связанных со специфической художественной манерой авторов. Они прекрасно дополняют друг друга, давая читателю возможность лучше представить Старый Валаам начала XX века, оставшийся в воспоминаниях современников.